

частности, опыт французской Национальной школы администрации. Представляет интерес также германская система административной юстиции как возможность для граждан обжаловать ошибочные или непрофессиональные решения чиновников.

Пристатейный библиографический список

1. Арсланбекова А.З. Институт государственной службы: сравнительно-правовой аспект // Вестник Дагестанского государственного университета. 2019. Т. 34. № 2. С. 78–85.
2. Гундина И.И., Щербакова А.В. Анализ организации государственной гражданской службы в России и США // Молодой учёный. 2019. №50 (288). URL <https://moluch.ru/archive/288/65260/> (дата обращения: 02.02.2020).
3. Захарова О.С. Необходимость имплементации зарубежного опыта в реформирование государственной службы РФ // Международный студенческий научный вестник. 2018. №6. С. 136–141.
4. Катаева В.И., Введенская А.В. Система государственной службы России: анализ сходства и различий государственной службы зарубежных стран (на примере США, Германии, Японии, Франции и Великобритании) // Материалы Ивановских чтений. 2016. № 1 (5). С. 90–97.
5. Кичаева Н.П., Масловская М.В. Институт государственной службы в России и за рубежом // Современное общество и власть. 2018. № 2 (16). С. 102–106.
6. Кравченко Е.О. Сравнительная характеристика зарубежного законодательства государственной гражданской службы // Социально-гуманитарное знание как фактор модернизации государства и общества: сб. науч. тр. по материалам междунар. науч.-практ. конф.: в 2 ч. / под общ. ред. Е.П. Ткачевой. Белгород, 2019. С. 44–47.
7. Мусифуллин В.Р. Организация государственной службы в Российской Федерации и зарубежных странах // Становление и развитие новой парадигмы инновационной науки в условиях современного общества: сб. ст. междунар. науч.-практ. конф. Уфа, 2018. С. 140–144.
8. Рябова Т.М. Перспективы развития государственной службы в России: опыт зарубежных стран // Материалы Ивановских чтений. 2016. № 2 (6). С. 130–137.
9. Шибанова А.И. Сравнительный анализ государственной гражданской службы в Российской Федерации и зарубежных странах // Аллея науки. 2017. Т. 1. № 11. С. 519–525.

УДК 343.2
ГРНТИ 10.77

ОСОБЕННОСТИ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ИНСТИТУТА ПРИКОСНОВЕННОСТИ К ПРЕСТУПЛЕНИЮ В УГОЛОВНЫХ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВАХ ГОСУДАРСТВ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Кустова Надежда Константиновна
старший преподаватель кафедры специальных дисциплин
Краснодарского университета МВД России,
г. Краснодар

АННОТАЦИЯ

В статье с использованием метода сравнительно-правового исследования осуществлен компаративистский анализ подходов к регламентации института прикосновенности к преступлению в уголовных законодательствах ряда государств постсоветского пространства – Азербайджана, Армении, Грузии, Казахстана, Кыргызстана, Республики Беларусь, Молдавии, Таджикистана, Туркменистана, Украины, Узбекистана. Автором выявлены сходства и различия в законодательном описании соответствующего уголовно-правового института, показаны позитивные моменты при его осуществлении.

ABSTRACT

In the article, using the comparative legal research method, a comparative analysis of approaches to regulating the institution of touching a crime in the criminal laws of a number of post-Soviet states is carried out - Azerbaijan, Armenia, Georgia, Kazakhstan, Kyrgyzstan, the Republic of Belarus, Moldova, Tajikistan, Turkmenistan, Ukraine, and Uzbekistan. The author identifies similarities and differences in the legislative description of the corresponding criminal law institution, and shows positive aspects in its implementation.

Ключевые слова: прикосновенность к преступлению, формы прикосновенности к преступлению, несообщение о преступлении, укрывательство преступления, попустительство преступлению, компаративистский анализ.

Key words: touching a crime, forms of touching a crime, non-reporting of a crime, harboring of a crime, connivance to a crime, comparative analysis.

Важность изучения зарубежного опыта сложно переоценить. В современных условиях регламентации тех или иных правовых институтов оптимизация национального законодательства у же

не мыслится без обращения к нормотворчеству иных государств для установления позитивных и приемлемых для рецепции установлений. Особый интерес представляет компаративистский анализ уголовных законов стран постсоветского пространства, которые, развиваясь сообразно избранному ими вектору, тем не менее отличаются предопределенной единой семидесятилетней историей и правовыми традициями общностью основополагающих подходов к построению как уголовного закона в целом, так и его отдельных институтов – в частности, включая прикосновенность к преступлению.

Сопоставительный анализ уголовных законов Азербайджана, Армении, Грузии, Казахстана, Кыргызстана, Республики Беларусь, Молдавии, Таджикистана, Туркменистана, Украины, Узбекистана, избранных нами для рассмотрения, дает основание для вывода о том, что в них нашла место криминализация отдельных форм прикосновенности. Вместе с тем дефиниция прикосновенности к преступлению в этих нормативных актах отсутствует. Исключение образует УК Республики Узбекистан, в котором она нашла закрепление в ст. 31 («Прикосновенность к преступлению»). Согласно ее предписаниям ответственность за несообщение о преступлении и заранее не обещанное укрывательство наступает лишь в случаях, прямо указанных в ст. 241 УК [1]. Следовательно, УК Узбекистана несколько сужает формы прикосновенности к преступлению, относя к последней лишь несообщение о преступлении и его укрывательство.

Значительно дальше в регламентации прикосновенности к преступлению продвинулся законодатель Украины. В ч. 6 ст. 27 уголовного закона предпринята попытка нормативного отграничения названного института от соучастия и определено, что к последнему не относится заранее не обещанное сокрытие преступника, орудий и средств совершения преступления, следов преступления либо предметов, добытых преступным путем, или приобретение либо сбыт таких предметов [2]. Кроме того, в ней закреплены положения о приобретении или сбыте предметов, добытых преступным путем.

Уголовный кодекс Украины в нормах Особенной части криминализует проявления различных форм прикосновенности: приобретение, получение, хранение или сбыт имущества, полученного преступным путем (ст. 198); легализация (отмывание) доходов, полученных преступным путем (ст. 209); использование средств, полученных от незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов или прекурсоров (ст. 306); служебная халатность (ст. 367); бездействие военной власти (ст. 426).

Аналогичным образом поступает и законодатель Республики Беларусь [3], предусматривая в Уголовном кодексе ответственность за легализацию (отмывание) материальных ценностей, приобретенных

преступным путем (ст. 235); приобретение или сбыт материальных ценностей, заведомо добытых преступным путем (ст. 236); сокрытие преступлений (ст. 405); недонесение о преступлении (ст. 406): недонесение о достоверно известном совершенном особо тяжком преступлении или о достоверно известном лице, которое совершило это преступление, или о месте нахождения такого лица. При этом первые два из названных деяний предусмотрены в разделе «Преступления против порядка осуществления экономической деятельности», а положения о недонесении и сокрытии преступления – в гл. 34 «Преступления против правосудия».

Некоторые положения, закрепляющие уголовно-правовой запрет на отдельные формы прикосновенности к преступлению, содержат также Уголовные кодексы Республики Армения [4], Кыргызской Республики [5], Республик Узбекистан, Таджикистана [6], Казахстана [7], Туркменистана [8], Грузии [9]. Ответственность за такие формы прикосновенности, как укрывательство и доноительство, отнесены законодателями этих стран к преступлениям против правосудия.

В уголовных законах указанных государств в Особенной части криминализовано укрывательство преступлений (ст. 334 УК Армении, ст. 307 УК Азербайджана [10], ст. 405 УК Беларуси, ст. 375 УК Грузии, ст. 432 УК Казахстана, ст. 339 УК Киргизии, ст. 323 УК Молдовы, ст. 347 УК Таджикистана, ст. 210 УК Туркменистана, ст. 396 УК Украины, ст. 241 УК Узбекистана), отнесенное к преступлениям против правосудия. Как правило, ответственность связана с укрывательством тяжких и особо тяжких преступлений. Однако в ст. 432 УК Казахстана перечень расширен за счет указания на коррупционное преступление. Помимо этого, данный источник предусматривает ответственность за укрывательство уголовного правонарушения: в ст. 433 установлена ответственность специального субъекта за умышленное укрытие уголовного проступка или преступления небольшой или средней тяжести от регистрации. Субъект деяния – специальный – уполномоченное должностное лицо. Подобную норму, но уже применительно к преступлению, содержит УК Республики Узбекистан, где в ст. 241.1 криминализовано умышленное укрытие преступления от учета, совершенное должностным лицом, в служебные обязанности которого входит прием, регистрация или рассмотрение заявлений, сообщений и иных сведений о преступлениях.

Не имеющей аналогов в отечественном законодательстве, но заслуживающей внимания представляется ст. 256 УК Украины, устанавливающая ответственность за заранее не обещанное содействие участникам преступных организаций и сокрытие их преступной деятельности путём предоставления помещений, убежищ, транспортных средств, информации, документов, технических устройств, денег, ценных бумаг, а также заранее не обещанное

осуществление иных действий по созданию условий, способствующих их преступной деятельности [11, с. 58].

В ч. 1 ст. 326 Особенной части Модельного уголовного кодекса для государств – участников Содружества Независимых Государств рекомендовано криминализовать несообщение о достоверно известном готовящемся или совершенном особо тяжком преступлении [12]. Законодатели Молдовы и Кыргызстана эту рекомендацию не восприняли. Но ее поддержал целый ряд государств, криминализовавший недонесение (несообщение) о преступлении (ст. 307 УК Азербайджана, ст. 335 УК Армении, ст. 406 УК Беларуси, ст. 376 УК Грузии, ст. 434 УК Казахстана, ст. 247 УК Таджикистана, ст. 210 УК Туркмении, ст. 241 УК Узбекистана). Уголовная ответственность установлена за несообщение о тяжком или особо тяжком преступлении. Однако в УК Казахстана предусмотрена ответственность лишь за несообщение о террористическом преступлении.

Объективная сторона несообщения, как правило, описывается унифицировано как несообщение о готовящемся, совершаемом преступлении или лице, его совершившем. Вместе с тем своеобразием отличается диспозиция ч. 1 ст. 347 УК Таджикистана, предусматривающей недонесительство не только о достоверно известном готовящемся или совершенном тяжком или особо тяжком преступлении, о достоверно известном лице, совершившем это преступление, но и о месте его нахождения.

В законодательстве названных государств криминализована легализация имущества, полученного незаконным путем. Анализ показывает, что расположение соответствующих норм позволяет определить объект этого преступления как отношения в сфере функционирования экономики, возникающие по поводу осуществления нормальной экономической деятельности по производству, распоряжению, обмену и потреблению материальных благ и услуг [13, с. 18] (УК Азербайджана, Беларуси, Грузии, Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркмении). Однако в УК Узбекистана объект легализации преступных доходов определяется по-иному: расположение ст. 243 свидетельствует, что это деяние посягает на общественные отношения в сфере обеспечения общественной безопасности. УК Азербайджана содержит специальную норму, не имеющую аналогов в других уголовных законодательствах, его ст. 241 предусматривает наказуемость легализации денежных средств или другого имущества, приобретенных от незаконного оборота наркотических средств или психотропных веществ.

Ориентируясь в определенной мере на нормы Модельного уголовного кодекса, законодатели стран СНГ к объективной стороне анализируемого преступления относят:

1) совершение действий, которые направлены на заключение финансовых или других сделок с

денежными средствами или иным имуществом, полученным преступным (незаконным) путем, а также использование указанных средств для осуществления предпринимательской или иной экономической (хозяйственной) деятельности (УК Азербайджана, Армении, Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркмении);

2) совершение действий для сокрытия источника, местонахождения, размещения, движения преступных доходов (УК Грузии, Молдовы, Узбекистана) [14, с. 20].

Примечательно, что ст. 243 УК Молдовы в качестве альтернативного признака объективной стороны предусматривает участие в любом объединении, сговоре, пособничестве посредством оказания содействия, помощи или дачи советов в целях совершения действий по отмыванию денег. Таким образом, молдавский законодатель необоснованно смешивает в данном случае соучастие и прикосновенность к преступлению. Уголовный кодекс Азербайджана ограничивает такие деяния, как легализация денежных средств или иного имущества, добытого преступным путем (ст. 193.1), и приобретение денежных средств или другого имущества, заведомо полученного преступным путем, владение, пользование и распоряжение ими (ст. 194). При этом круг наказуемых деяний определен широко, поскольку включает легализацию, владение или пользование денежными средствами или другим имуществом либо распоряжение ими без сокрытия действительного источника их получения.

Достаточно развернутое описание объективной стороны легализации представлено в ст. 195 УК Грузии. В систему криминализуемых деяний в данном источнике отнесены: 1) придание законного вида (пользование имуществом, приобретение, владение, конверсия, передача имущества или иные действия) незаконному или (и) необоснованному имуществу с целью сокрытия его незаконного или (и) необоснованного происхождения или (и) оказания содействия другому лицу в уклонении от ответственности; 2) сокрытие или маскировка его подлинной природы, источника происхождения, местонахождения, размещения, движения, права собственности на него или (и) иных связанных с ним прав.

Самая развернутая диспозиция представлена в ст. 183 УК Кыргызстана. При описании объективной стороны легализации здесь используются такие категории, как «придание правомерного вида владению, пользованию или распоряжению преступным доходом»; «совершение любых действий по преобразованию (конверсии) или переводу имущества» и т.п. Вместе с тем это понятие легализации слишком перегружено терминологически и трудно воспринимается правоприменителем.

На наш взгляд, наиболее оптимальное описание объективных признаков легализации представлено в ст. 218 УК Казахстана, согласно которой вовлечение в законный оборот денег и (или) иного имущества, полученных преступным

путем, посредством совершения сделок в виде конверсии или перевода имущества, представляющего доходы от уголовных правонарушений, либо владение и использование такого имущества, сокрытие или утаивание его подлинного характера, источника, места нахождения, способа распоряжения, перемещения, прав на имущество или его принадлежности, если известно, что такое имущество представляет доходы от уголовных правонарушений, а равно посредничество в легализации денег и (или) иного имущества, полученных преступным путем [15, с. 49]. Можно сказать, что в названной статье воплотились практически все предложения по оптимизации содержания ст. 174 УК РФ, высказываемые в отечественной правовой доктрине.

Совпадают позиции законодателей названных государств в описании психического отношения лица к осуществляемой им легализации. Оно характеризуется только умышленной формой вины, везде в кодексах отмечен признак заведомости. Однако такой признак, как цель, не всегда включен в число обязательных. Указание на цель в составе легализации отсутствует в целом ряде государств (Азербайджан, Казахстан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан).

Что касается формализации в законе признаков субъекта преступления, то здесь каких-либо специфических подходов нет. Уголовные законы практически всех зарубежных государства рассматривают в качестве такового физическое, вменяемое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности, – общий субъект. Однако в соответствующих статьях УК Беларуси и Украины он определяется иначе. Согласно ст. 156.6 УК Беларуси уголовной ответственности за легализацию не подлежит исполнитель преступления, посредством которого приобретены материальные ценности. В УК Грузии предусмотрена ответственность юридических лиц за легализацию преступных доходов (примечание 4 к ст. 194).

В законодательстве государств постсоветского пространства осуществлена дифференциация уголовной ответственности за легализацию имущества, добытого преступным путем. Прежде всего, признаком, усиливающим уголовную ответственность, признается размер причиненного вреда от данного преступного деяния. В целом ряде государств (Азербайджан, Армения, Беларусь, Грузия, Казахстан, Кыргызстан, Молдова, Украина) к числу квалифицирующих отнесено совершение преступления в крупном и особо крупном размере.

Помимо этого, дифференциация уголовной ответственности в рассматриваемых источниках осуществлена и с учетом множественности преступной деятельности: повторность, неоднократность (Азербайджан, Грузия, Казахстан, Кыргызстан, Молдова, Беларусь, Туркменистан, Украина).

Признаком, используемым при

дифференциации уголовной ответственности в рассматриваемых государствах, относится и такой, как соучастие в преступной деятельности. В качестве такового в уголовных законах Азербайджана, Армении, Беларуси, Грузии, Казахстана, Кыргызстана, Туркменистана, Украины названо совершение преступления в составе группы лиц, группы лиц по предварительному сговору, организованной группы, преступного сообщества.

Повышает степень общественной опасности содеянного, по мнению законодателей ряда государств постсоветского пространства, и совершение легализации специальным субъектом преступления: «лицом с использованием своего служебного положения»; «лицом, уполномоченным на государственные функции, либо приравненным к нему лицом» (Азербайджан, Армения, Беларусь, Грузия, Казахстан, Кыргызстан, Туркменистан) [16, с. 20].

Обращает на себя внимание регламентация в ст. 262 УК Таджикистана специального вида освобождения от уголовной ответственности для лица, принимавшего участие в легализации (отмывании) доходов, полученных преступным путем, если оно после совершения преступления добровольно явилось с повинной, активно способствовало раскрытию преступления и (или) добровольно сдало доходы, полученные преступным путем (примечание 1). Сходное по правовой природе, но иное по содержанию основание освобождения от уголовной ответственности предусмотрено в примечании к ст. 218 УК Казахстана: «Лицо, добровольно заявившее о готовящейся либо совершенной легализации денег и (или) имущества, полученных преступным путем, освобождается от уголовной ответственности, если в его действиях не содержится составов преступлений, предусмотренных частями второй или третьей настоящей статьи, или иного преступления».

Представляют интерес указания, содержащиеся в примечаниях 8 и 9 к ст. 262 УК Таджикистана. В них содержится отсылка к институту прикосновенности, так как в норме указано, что уголовная ответственность по данной статье наступает независимо от того, привлекалось ли лицо к уголовной ответственности за основные преступления, в результате которых получены доходы преступным путем. В примечании 9 подчеркивается, что легализация представляет собой прикосновенное преступление, поскольку основные преступления определены как предусмотренные УК преступления, предшествующие легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, вследствие которых получены доходы.

В большинстве стран СНГ уголовно-правовые нормы об ответственности за преступное приобретение (сбыт) имущества сформулированы сходным с УК РФ. Модельный УК относит анализируемое деяние (ст. 251) к преступлениям против собственности. Аналогично решен вопрос и

в уголовных законах ряда государств – ст. 196 УК Казахстана, ст. 198 УК Украины, ст. 199 УК Молдовы, ст. 177 УК Кыргызстана, ст. 254 УК Таджикистана. В УК Азербайджана и Беларуси, равно как и в УК РФ, преступное приобретение или сбыт имущества отнесено к преступлениям в сфере экономической деятельности. В УК Туркменистана приобретение и сбыт преступно добытого имущества обоснованно помещены в разные части ст. 237 УК, поскольку данные деяния существенно отличаются по степени общественной опасности, что отражается на виде и размере наказания.

Предметом рассматриваемого преступления все указанные источники называют имущество, заведомо для виновного полученное преступным путем.

Объективная сторона преступления складывается из двух альтернативных действий: приобретение или сбыт. Вместе с тем ст. 198 УК Украины помимо указанных действий называет получение и хранение имущества, заведомо добытого преступным путем, при отсутствии признаков легализации (отмывания) доходов, полученных таким же образом.

Круг квалифицирующих признаков рассматриваемого преступления в анализируемых источниках не имеет унифицированного содержания. Систематизация их показывает, что в УК используются следующие обстоятельства: совершение преступления в отношении автомобиля, нефти и нефтепродуктов или иного имущества в крупном размере (ч. 3 ст. 196 УК Казахстана); в отношении памятников истории, культуры, а также предметов, документов, имеющих особую историческую, научную, художественную или культурную ценность (ч. 3 ст. 196 УК Казахстана); в значительном размере (ст. 194.1.1 УК Азербайджана); в крупных размерах (ст. 194.2.4 УК Азербайджана, ч. 2 ст. 196 УК Казахстана, ч. 2 ст. 177 УК Кыргызстана, ч. 2 ст. 199 УК Молдовы); повторно (ч. 2 ст. 254 УК Таджикистана); в виде промысла (ч. 2 ст. 177 УК Кыргызстана, ч. 2 ст. 199 УК Молдовы); двумя или более лицами (ч. 2 ст. 199 УК Молдовы); лицом, ранее судимым за это преступление (194.2.3 УК Азербайджана); преступной группой (ст. 194.2.2 УК Азербайджана); группой лиц по предварительному сговору (ст. 194.2.1 УК Азербайджана, ч. 2 ст. 196 УК Казахстана); организованной группой (ст. 194.2.1 УК Азербайджана, ч. 3 ст. 196 УК Казахстана); лицом с использованием своего служебного положения (ч. 4 ст. 196 УК Казахстана).

Что касается такой формы прикосновенности к преступлению, как попустительство, то она, как правило, не имеет самостоятельной регламентации в уголовных законах названных государств. В УК Беларуси (ст. 425) в качестве деяния, образующего бездействие должностного лица, предусмотрено попустительство преступлению. В указанной норме установлена ответственность за умышленное невоспрепятствование должностным лицом готовящемуся или совершаемому

преступлению при условии, что данное должностное лицо в соответствии с его полномочиями обязано было и могло это сделать. Обязательным условием выступает отсутствие заранее данного обещания со стороны должностного лица совершить указанные действия. По УК Украины попустительство квалифицируется по ст. 364 («Злоупотребление властью или служебным положением») или по ст. 367 («Служебная халатность»).

Таким образом, анализ регламентации института прикосновенности в УК государств постсоветского пространства свидетельствует, что практически во всех из них отсутствует дефиниция прикосновенности к преступлению. Лишь в УК Республики Узбекистан содержится ст. 31 («Прикосновенность к преступлению»). Однако и в ней дефиниция не представлена, а дано лишь описание форм прикосновенности к преступлению. Вместе с тем в Особенной части уголовных законов криминализованы отдельные формы прикосновенности: укрывательство и его виды (приобретение или сбыт имущества, полученного преступным путем, легализация (отмывание) имущества, приобретенного преступным способом) и недоносительство. Попустительство наказуемо как проявление халатности или как деяние, образующее бездействие должностного лица (ст. 425 УК Беларуси).

Список литературы:

1. Уголовный кодекс республики Узбекистан 1994 г. (по сост. на 26.03.2020 г.). – URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30421110 (дата обращения – 20 апреля 2020 г.).
2. Уголовный кодекс Украины 2001 г. (по сост. на 17.03.2020 г.). – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30418109 (дата обращения – 20 апреля 2020 г.).
3. Уголовный кодекс Республики Беларусь 1999 г. (ред. от 11.11. 2019 г.) // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь – URL: <http://www.pravo.by/document/?guid=3871&p0=Hk9900275> (дата обращения – 20 апреля 2020 г.).
4. Уголовный кодекс Республики Армения 2003 г. (ред. от 21.01.2020 г.). – URL: <http://www.parliament.am/legislation.php?ID=1349&sel=show&lang=rus> (дата обращения – 20 апреля 2020 г.).
5. Уголовный кодекс Кыргызской Республики 2017 г. (по сост. на 03.04.2020 г.). – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=34350840 (дата обращения – 20 апреля 2020 г.).
6. Уголовный кодекс Республики Таджикистан 1998 г. (по сост. на 02.01.2020 г.). – URL: http://online.zakon.kz/Document/?d0_id=30397325 (дата обращения – 20 апреля 2020 г.).
7. Уголовный кодекс Республики Казахстан 2014 г. (ред. от 27.12.2019 г.). – URL: http://online.zakon.kz/m/Document/?doc_id=31575252 (дата обращения – 20 апреля 2020 г.).

8. Уголовный кодекс Туркменистана 1997 г. (ред. от 30.11.2019 г.). – URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31295286 (дата обращения – 20 апреля 2020 г.).
9. Уголовный кодекс Грузии 1999 г. (ред. от 29.05.2019 г.). – URL: <https://matsne.gov.ge/ru/document/download/16426/143/ru/pdf> (дата обращения – 20 апреля 2020 г.).
10. Уголовный кодекс Азербайджанской Республики 1999 г. (по сост. на 09.07.2019 г.). – URL: http://online.zakon.kz/m/Document/?doc_id=30420353 (дата обращения – 20 апреля 2020 г.).
11. Журавлёва Н.М. Предшествующее преступление как криминообразующий признак в уголовном праве России: дис ... канд. юрид. наук. М., 2011 [Zhuravlova N.M. Predshestvuyushcheye prestupleniye kak kriminoobrazuyushchiy priznak v ugovolnom prave Rossii: dis ... kand. yurid. nauk. (In Russ).]. М., 2011.
12. Модельный Уголовный Кодекс для государств – участников Содружества Независимых Государств: принят постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств, Санкт-Петербург, 17 февраля 1996 г. – URL: <http://www.icrc.org/rus/resources/documents/misc/ihl-nat-3.htm> (дата обращения – 20 апреля 2020 г.).
13. Сафаров А.И. Уголовная ответственность за легализацию (отмывание) денежных средств либо иного имущества, полученных противозаконным путем (по материалам Республики Таджикистан): автореф. дис. ... канд.юрид наук. М., 2011 [Safarov A.I. Ugolovnaya otvetstvennost' za legalizatsiyu (otmyvaniye) denezhnykh sredstv libo inogo imushchestva, poluchennykh protivozakonnym putem (po materialam Respubliki Tadjikistan): avtoref. dis. ... kand.yurid nauk. M., 2011. (In Russ).].
14. Сафаров А.И. Указ. соч. [Safarov A.I. Ukaz. soch. (In Russ).]
15. Хомич О.В. Легализация (отмывание) преступных доходов: уголовно-правовое и сравнительно-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. [Khomich O.V. Legalizatsiya (otmyvaniye) prestupnykh dokhodov: ugovolno-pravovoye i sravnitel'no-pravovoye issledovaniye: dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2019. (In Russ).]
16. Сафаров А.И. Указ. соч. [Safarov A.I. Ukaz. soch. (In Russ).]

УДК 34
ГРНТИ 10.53

РЫБА ЖЕРЕХ – ПРИМЕР ДЛЯ СБЛИЖЕНИЯ «ПРАВОВЫХ АРЕАЛОВ» НА ОЗЕРЕ БАЛХАШ

DOI: [10.31618/ESU.2413-9335.2020.10.73.721](https://doi.org/10.31618/ESU.2413-9335.2020.10.73.721)

Павлова С.А.

д.б.н., проф.

Павлов И.Е.

Шелепова О.О.

ФГБОУ ВПО МГУТУ имени К.Г. Разумовского

ASP FISH - AN EXAMPLE FOR RAPPROCHEMENT OF "LEGAL AREAS" ON LAKE BALKHASH

Pavlova S.A.

Doctor of Biological Sciences, prof.

Pavlov I.E.

Shelepova O.O.

FSBEI HPE MGUTU named after K.G. Razumovsky

АННОТАЦИЯ

В Балхашском бассейне сформировалась самостоятельная устойчивая популяция рыбы жерех, которая имеет большое значение в промышленном и любительском рыболовстве. В Республике Казахстан озеро Балхаш является одним из основных рыбопромысловых водоемов. В последние десятилетие этот регион испытывает мощное разноплановое антропогенно-техногенное воздействие, которое привело к существенным негативным изменениям водных и наземных экосистем. Роль государства в регулировании вопросов природопользования и охраны окружающей среды.

ANNOTATION

In the Balkhash basin, an independent sustainable population of asp fish has formed, which is of great importance in industrial and recreational fishing. In the Republic of Kazakhstan, Lake Balkhash is one of the main fishing reservoirs. In the last decade, this region has experienced a powerful diverse anthropogenic and technogenic impact, which has led to significant negative changes in aquatic and terrestrial ecosystems. The role of the state in the regulation of environmental management and environmental protection.

Ключевые слова: устойчивая популяция, рыба жерех, ареал обитания, промысловый улов, озеро Балхаш, антропогенное воздействие, рыбные ресурсы, биоразнообразие, нормативно правовое регулирование

Key words: sustainable population, asp fish, habitat, commercial catch, Lake Balkhash, anthropogenic